

ДИАНА ФУРСОВА

РАЗВОД С ДРАКОНОМ

Пункт 13
БРАЧНОГО КОНТРАКТА

Диана Фурсова

Развод с драконом. Пункт 13 брачного контракта

<https://litres.ru/74205683>

Аннотация

Меня развели на балу — красиво, громко и так, чтобы я сама поверила: я никто. Лорд Рейан Варх назвал наш брак ошибкой... но договор крови вспыхнул и вынес свой вердикт: защита супруги нарушена. В ту же ночь за мной пришли. Без магии. С ножом. А утром Совет Двенадцати Крыльев объявил: ритуал состоится, наследие рода перейдёт «правильной» женщине — и желательно без свидетелей моего существования. Проблема в том, что я попаданка и юрист. Я умею находить лазейки. И в брачном контракте есть Пункт 13 — тот самый, который превращает развод в оружие и открывает мне доступ туда, куда “пустышек” не пускают. Чем больше они давят, тем сильнее Сердце рода тянется ко мне. Чем ближе я к правде, тем опаснее становится мой муж — дракон, который должен был меня уничтожить... и почему-то снова выбирает меня живой.

Содержание

Глава 1. «Публичный развод»	4
Глава 2. «Печать на запястье»	19
Глава 3. «Магический суд открывает дело»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1. «Публичный развод»

Музыка в Зале Зеркальных Крыльев звучала так, словно хотела заглушить всё — и смех, и шёпот, и чужие мысли. Скрипки витали над хрустальными люстрами, ударные отмеряли шаги танца, а золотые канделябры отражались в сотнях зеркал, превращая бальный зал в бесконечный коридор света.

Алина успела вдохнуть аромат вина и роз — и тут же подавилась воздухом, будто кто-то сжал горло ледяной рукой. — Довольно, — сказал мужчина на возвышении.

Голос был низкий, ровный, не требующий тишины — он приносил её с собой. Словно сам воздух вставал по стойке смирно.

Алина не знала его. Не знала зал. Не знала... собственные руки.

Она стояла в центре круга света, в платье цвета ночного жемчуга, с тонкой цепочкой на шее и горячим следом слёз на щеках. Сердце билось так, как не билось никогда — чужое сердце, слишком сильное, слишком живое, будто внутри работал двигатель.

— Лорд Варх... — чей-то голос дрогнул у неё за спиной. — Милорд, может, не при всех?..

Мужчина на возвышении не посмотрел на говорившего. Он смотрел на неё.

На Алину.

И от этого взгляда — тёмного, как плавленный металл — в голове вспыхнула боль, и мир на секунду разорвался на осколки.

Чужое имя ударило по ушам, как плеть.

Лорд Варх.

Рейан Варх.

Её муж.

Её... кто?

В памяти — не её памяти — мелькнули кадры: огромные крылья в ночи, запах горячего дождя, чужие пальцы на запястье, холодная подпись под договором. Потом — тишина, ровная, почти ласковая, как саван.

И чей-то шёпот: *Пустьшика. Без искры. Зачем он вообще...*

Алина моргнула. Слезы не исчезли. Они были реальными, солёными. В горле стоял ком, но не тот, что бывает от обиды — этот был от злости. Злость оказалась знакомой, родной. Её собственной.

— Я объявляю о расторжении брака, — произнёс Рейан Варх так, будто зачитывал приказ на плацу. — Прямо сейчас. Перед свидетелями. Перед двором.

Музыка умерла. Скрипки оборвались на полувдохе.

Секунда тишины была хуже крика.

Алина слышала, как кто-то уронил бокал.

— Н-но... — выдохнула женщина в первом ряду. — Это

же... договор крови...

— Он не имеет права, — шепнул кто-то другой. — Только Суд...

— Он — Варх, — ответил третий. — Он может всё.

Алина смотрела на него и пыталась удержать себя внутри тела. Тело дрожало — не от страха, от унижения. Унижение было таким плотным, что им можно было задушить.

Она могла бы расплакаться. Могла бы упасть в обморок — и, кажется, именно этого ждали.

Но внутри неё — внутри Алины — поднялась привычная холодная логика. Та самая, что приходила в моменты, когда мир пытался раздавить, а она вместо того, чтобы ломаться, начинала считать.

Договор крови.

Суд.

Свидетели.

Публично.

Это не просто развод. Это казнь репутации. Показательная.

Рейан продолжал:

— Причины касаются частного. Скажем так: наш союз был ошибкой. Я исправляю её.

Он говорил будто ей, но обращался к залу.

Зал слушал, не дыша.

Алина почувствовала, как под её кожей пробежала волна жара — будто кто-то вдалеке расправил крылья.

И вдруг она поняла: это не зал ждёт её реакции. Это охота. Публика. Те, кто давно хотел крови.

Она медленно подняла подбородок.

— Ошибка? — её голос оказался хриплым, но в нём уже появилась сталь. — Вы называете ошибкой то, что подписали собственной кровью, лорд Варх?

Кто-то в толпе ахнул. Несколько человек разом повернули головы, словно боялись пропустить момент.

Рейан не изменился в лице. Только его взгляд стал чуть более внимательным — как у человека, который не ожидал сопротивления.

— Вы не обязаны говорить, леди, — произнёс он. — Это упростит всё.

— Упростит кому? — резко спросила Алина. — Вам?

Тон был дерзким. В этом зале дерзость стоила дорого.

— Леди Варх, — вмешался пожилой мужчина с цепью на груди — придворный распорядитель или кто-то из советников. — Прошу вас, сохраняйте достоинство. Двор...

— Двор пусть сохранит свои языки, — отрезала она и сама удивилась, как естественно прозвучало это в её устах.

Шёпот полетел по залу, как искры по сухой траве.

— Слышали? Пустышка заговорила...

— Пустышка? Да она... она же...

— Она просто отчаялась...

— Да кому она нужна, если без искры?

Слово «пустышка» зацепило Алину, будто крючок. Внут-

ри словно отозвалась память тела: это слово ей говорили часто. Оно было клеймом. Им вдавливали в пол.

Она посмотрела на ближайших дам — роскошные платья, камни, улыбки-лезвия. На мужчин — сдержанные, оценивающие взгляды. На ту, что стояла чуть ближе остальных, на полшага позади Рейана — высокую, рыжеволосую, в платье цвета алой крови.

Маркиза Эстель Норр улыбалась так, будто уже выиграла. Она не делала ничего. Не говорила ни слова. Но её присутствие было ответом на любой вопрос.

Алина поймала её взгляд, и Эстель едва заметно наклонила голову, как королева, принимающая подношение.

Вот оно.

Алина снова перевела взгляд на Рейана.

— Покажите мне контракт, — сказала она.

В зале кто-то тихо рассмеялся. Смех был короткий и очень неприятный.

— Контракт? — переспросила одна из дам громче, чем нужно. — Она, должно быть, думает, что умеет читать...

— Она умеет? — шепнула другая. — Говорят, она даже считать не может без подсказки.

— Пустышка, — повторили где-то рядом, уже почти с удовольствием.

Рейан смотрел на неё так, словно решал, стоит ли давить ногой или ещё подождать.

— Это неуместно, — сказал он. — Контракт хранится в

архиве рода.

— Вы объявляете развод на глазах у сотни людей, — Алина сделала шаг вперёд, и ткань платья прошелестела по паркету. — И называете это уместным. Тогда документ, на котором держится ваш «союз-ошибка», тоже должен быть здесь.

— Леди, — мягко, почти ласково произнесла Эстель, и от этой ласки по коже Алины побежали мурашки. — Зачем вам это? Вы же понимаете... у вас нет шансов. Не цепляйтесь за то, что вас всё равно не удержит.

Алина повернула голову к ней.

— Вы так уверенно говорите о моих шансах, маркиза Норр, — произнесла она. — Будто сами подписывали мой договор.

Эстель улыбнулась шире.

— Я просто знаю, как устроен мир.

— Тогда вам должно быть известно и то, — Алина снова посмотрела на Рейана, — что договор крови нельзя разорвать по щелчку пальцев. Особенно публично. Особенно, если нарушены условия.

Глаза Рейана на секунду потемнели.

— Какие условия? — спросил он ровно.

— Вот это я и собираюсь выяснить, — сказала Алина. — Контракт. Сейчас.

Распорядитель шагнул вперёд, явно собираясь вмешаться, но Рейан поднял руку. И тот замер.

— Принесите, — приказал Рейан.

Его голос не повысился — но весь зал понял: приказ отдан.

Пока слуги спешили к боковым дверям, Алина стояла, стараясь удержать дыхание ровным. Она чувствовала, как дрожат пальцы — чужие, тонкие. Как горит лицо от сотен взглядов. Как где-то внутри этой груди прячется страх — старый, натренированный, привычный страх прежней хозяйки тела.

Алина разозлилась и на него тоже.

Не мой страх. Не мой стыд.

— Ты правда решила устроить представление? — тихо спросил Рейан, когда слуги ушли. Он наклонился чуть ближе, так, чтобы слышала только она. — Не усложняй. Ты уйдёшь с тем, что тебе положено. Я позабочусь, чтобы тебя не трогали.

— О, как великодушно, — прошептала Алина. — Вы уже позаботились. Прямо сейчас. На глазах у всех.

— Ты получила статус, имя, защиту рода, — произнёс он. — И этого оказалось недостаточно.

Её пальцы сжались так, что ногти впились в ладони.

— Вы даже не спросили, хочу ли я этого статуса, — сказала она. — Вы просто... использовали. А теперь выбрасываете.

— Ты ошибаешься.

— Тогда объясните.

Рейан молчал. Молчание было не пустым — оно было сте-

ной.

Алина увидела в этом молчании всё: *не обязан. не объяснит. не считает нужным.*

— Значит, мы будем говорить через бумагу, — холодно сказала она. — Через контракт.

Слуги вернулись быстро, как возвращаются в страхе. Один нес длинный тёмный футляр с гербом рода — серебряное крыло на чёрном поле.

Распорядитель раскрыл футляр, достал свёрнутый пергамент — старый, плотный, будто живой. В воздухе повис запах железа.

Кровь.

— Договор брака между домом Варх и леди... — начал распорядитель.

— Не надо читать, — отрезала Алина. — Дайте сюда.

Кто-то ахнул, когда она потянулась к пергаменту. Сама мысль, что «пустышка» может трогать договор крови, казалась им кощунством.

Но распорядитель — побледневший, потный — всё же протянул.

Пергамент был тёплым. Живым. Как кожа.

Алина развернула его на ладонях, и символы, написанные темными чернилами, дрогнули, будто разглядывали её в ответ.

— Что она делает?.. — шепнули справа.

— Она не умеет... она...

— Сейчас его магия её ударит...

Алина не слушала. Её взгляд цеплялся за строчки, как у юриста цепляется за мелкий шрифт в договоре, от которого зависит чужая жизнь.

Пункты были витиеваты, написаны торжественным языком — «в целях укрепления союза», «в соответствии с древним правом»... Но под этой помпой прятались конкретные условия.

Она нашла раздел о расторжении. Нашла ограничения. Нашла ссылки на Суд.

И наконец увидела то, что заставило её сердце дернуться.

Пункт 13.

Он стоял чуть отдельно, как шрам.

Алина провела пальцем по строкам, и буквы слегка засветились.

«В случае, если одна из сторон инициирует расторжение договора, при наличии подтверждённого нарушения условий защиты супруги...»

Защита супруги.

Она подняла глаза на Рейана.

— Вы знаете, что тут написано? — спросила она.

— Конечно, — ответил он.

— Тогда вы также знаете, что ваш «публичный развод» может обернуться для вас хуже, чем вы думали.

Его губы едва заметно сжались.

Эстель сделала шаг ближе, будто хотела увидеть текст сво-

ими глазами.

— Леди, — сказала она мягко, — договоры древнего права не читаются так... буквально.

Алина не оторвала взгляд от пергамента.

— Договоры читаются только буквально, — ответила она.
— Всё остальное — сказки для тех, кто любит проигрывать.
Она опустила глаза и продолжила.

Пункт 13 давал права. Не абстрактные. Конкретные.

Право на пересмотр условий. Право на компенсацию.
Право на родовую печать — если нарушение защиты доказано.

И вот тут Алина заметила странность.

Под основным текстом стояли две подписи — кровавые, как следы раны. Одна — резкая, уверенная, будто выжженная: *Рейан Варх*.

Другая... должна была быть подписью жены.

Но буквы были неровные. В одной линии — слишком уверенные, в другой — словно человек специально делал вид, что рука дрожит. И главное — в конце, там, где должна была быть петля, стоял разрыв.

Как будто подпись прервали.

Как будто её... подменили.

Алина медленно подняла пергамент выше, ближе к свету люстр. В зале снова раздался шёпот.

— Она что, ищет подвох?..

— Она смеет?

— Она ведь пустышка...

— Тихо, тихо...

Алина провела пальцем по печати крови — маленькой, почти незаметной внизу. И увидела ещё одну деталь: воск, смешанный с кровью, был наложен поверх предыдущего слоя. Едва различимо. Но для глаза, привыкшего к бумагам, — очевидно.

Перепечатывали.

— Это ваш архивный документ? — спросила Алина и, не дожидаясь ответа, добавила: — Его трогали после подписания.

Рейан не ответил сразу. Он смотрел на пергамент так, будто видел его впервые.

— Невозможно, — тихо сказала Эстель. — Договор крови запечатывается магией. Его нельзя...

— Нельзя, если вы не знаете как, — резко сказала Алина и почувствовала, как чужой страх внутри неё всколыхнулся. — Но кто-то же сделал это.

Рейан шагнул ближе. Его тень легла на неё, и Алина ощутила запах — дым, металл, гроза. Он был не просто человеком. Он был... силой.

— Ты хочешь сказать, что мой договор подделали? — спросил он тихо.

— Я хочу сказать, что в нём есть несостыковка, — ответила Алина. — И что прямо сейчас, при всех, вы пытаетесь разорвать документ, который сам по себе уже мог быть на-

рушен. Вы понимаете, чем это пахнет?

Рейан посмотрел на неё так, словно впервые увидел в ней не «пустышку», а угрозу.

— Ты не понимаешь, во что лезешь, — произнёс он.

— Я отлично понимаю, — сказала Алина. — Я лезу в то, что вы думали решить грубой силой.

Он усмехнулся без улыбки.

— Сила — не грубая. Сила — единственное, что здесь работает.

Алина сделала шаг ещё ближе, и теперь между ними осталось слишком мало воздуха. Она чувствовала тепло его тела, видела едва заметный блеск чешуи на линии шеи — как украшение, которое не снять.

— Тогда вы ошиблись местом, лорд Варх, — произнесла она почти шёпотом. — Потому что договор — тоже сила. И она гораздо старше вас.

Слова повисли между ними, натянутые, как струна.

Рейан молчал.

— Ты хочешь Суд, — наконец сказал он. — Ты хочешь выставить это на свет?

— Я хочу правду, — ответила Алина. — И хочу, чтобы ваш развод был не вашим спектаклем, а процедурой. В соответствии с законом.

— Закон здесь пишут крылатые, — холодно сказал Рейан.

— А договор крови — ещё более крылатый, — парировала она.

Эстель тихо рассмеялась.

— Какая смелая, — произнесла она, наклоняясь к Алине.

— Скажите, леди Варх, это отчаяние или безумие?

Алина посмотрела на неё.

— Это профессиональная привычка, — ответила она. —

Я не люблю, когда меня пытаются обмануть бумажкой.

Эстель моргнула, не поняв.

Рейан понял. Или почувствовал.

— Кто ты? — спросил он так тихо, что слова коснулись кожи.

Алина на секунду застыла. Внутри неё действительно было что-то чужое — она сама. И если он задаст этот вопрос по-настоящему, если копнёт...

Но прямо сейчас ей нельзя было дать слабинку.

Она чуть улыбнулась — и эта улыбка вышла не женственной и мягкой, а острой.

— Ваша жена, лорд Варх, — сказала она. — По крайней мере, по контракту.

Она развернула пергамент так, чтобы его видел весь зал, и подняла голос.

— Я требую Магический суд.

В зале прокатилась волна — не шум, а вздох, как перед падением.

— Она сошла с ума...

— Суд против Варха?..

— Пустышка бросает вызов?..

— Её разорвут...

Рейан посмотрел на неё с холодной яростью, которая не выходила наружу, но ощущалась кожей. Его рука поднялась — и на миг Алина подумала, что он просто вырвет пергамент у неё из пальцев.

Но он не сделал этого.

Он наклонился ближе, и его голос стал почти ласковым.

— Ты уверена? — спросил он. — Суд не пощадит тебя.
Двор — тем более.

— Я и не прошу пощады, — ответила Алина. — Я прошу исполнения договора.

Она снова опустила глаза на Пункт 13. Буквы дрожали. Воск на печати словно стал мягче. Пергамент под пальцами Алины начал нагреваться.

— Что происходит? — шепнул кто-то.

— Договор... — прошептал другой. — Он реагирует...

Эстель сделала шаг назад, будто от огня.

Рейан резко выпрямился.

— Отдай, — сказал он уже без мягкости.

Но Алина не успела.

Пергамент вспыхнул.

Не пламенем — светом. Белым, слепящим, как раскалённый металл. В зале закричали, кто-то отпрянул, кто-то упал на колени. Зеркала дрогнули, отражая вспышку сотнями бликов.

Алина почувствовала, как сила — древняя, чужая — про-

ходит сквозь неё. Не болью. Судом.

Слова, не произнесённые ни одним ртом, прозвучали над залом — громко, ясно, неизбежно.

— Нарушение защиты супруги подтверждено.

И прежде чем кто-то успел вдохнуть, свет выжег в воздухе новую строку, как приговор, как печать.

Алина смотрела на неё — и понимала, что назад дороги больше нет.

Глава 2. «Печать на запястье»

Свет, вспыхнувший из пергамента, не рассеялся сразу — он словно завис в воздухе, шевелясь, как живой. Зеркала во-круг дрожали, отражая сияние тысячами осколков. Люди в зале инстинктивно отступали: кто-то прикрывал лицо ладо-нью, кто-то падал на колени, кто-то, наоборот, тянулся взгля-дом к словам, выжженным прямо над полом, будто к приго-вору.

— Нарушение защиты супруги подтверждено.

Фраза прозвучала ещё раз — уже тише, будто эхо, — и исчезла, оставив за собой вязкую тишину.

Алина стояла, сжимая края пергамента, и ощущала, как в неё вонзаются взгляды. Не просто любопытство — страх. Раздражение. Злобное удовольствие.

Рейан Варх двинулся к ней резко, как к цели. Его рука перехватила её запястье — не грубо, но так, что стало ясно: если он захочет, она не вырвется.

И в тот же миг под кожей Алины вспыхнуло.

Не метафорой — настоящим жаром.

Она вскрикнула, потому что боль была ослепляющей, как если бы кто-то приложил к коже раскалённое клеймо. Паль-цы Рейана на мгновение напряглись.

— Что ты... — начал он.

— Не «ты»! — выдохнула Алина, пытаясь выдернуть ру-

ку.

Но боль стала острее, и она сама инстинктивно подалась назад, будто от удара. Пергамент выпал из её пальцев, упал на пол и тут же свернулся сам собой — как испуганное животное.

Люди вокруг зашептались громче.

— Смотрите... на руке!

— Печать...

— Это невозможно...

— Она же пустышка!

Алина опустила глаза — и увидела на внутренней стороне запястья рисунок, который только что не существовал.

Чёрно-серебряные линии, как ожог, как тончайшая сеть трещин по льду, складывались в знак: крыло, расправленное в полёте, и под ним — маленькая точка, похожая на каплю крови.

Знак рода Вархов.

Её желудок стянуло. Пульс ударил в висках.

— Уберите её, — холодно сказал кто-то.

— Или уберите печать, — шепнула другая. — Пока не стало поздно.

Рейан, не отпуская её, наклонился ближе. Его дыхание коснулось кожи возле уха — горячее, слишком близкое.

— Это не должно было появиться, — произнёс он тихо.

— Вы так уверенно говорите, будто сами раздаёте печати, — прошипела Алина, хотя от боли голос ломался.

Он посмотрел на её запястье так, словно хотел выжечь знак взглядом.

— Это родовая привязка, — сказал он. — Это...

— Это доказательство, — перебила она. — И теперь вы не сможете сделать вид, что ничего не произошло.

Его челюсть напряглась.

По залу прошла волна движения: придворные расступались, словно боялись оказаться слишком близко к её руке, будто печать могла заразить.

Эстель Норр сделала шаг вперёд. Её рыжие локоны блистали в свете люстр. На лице — сочувствие, отточенное до идеала.

— Милорд, — мягко сказала она, глядя на Рейана, будто Алины рядом не существовало. — Вы ранены? Это выглядит опасно.

Она протянула руку к его плечу — слишком фамильярно, слишком демонстративно.

Рейан не отстранился. И этого было достаточно.

Алина почувствовала, как по ней проходит холод — не от боли, от осознания. Они уже распределили роли: он — камень, Эстель — забота, а она — позорная помеха, которая почему-то ещё стоит на ногах.

— Как трогательно, — произнесла Алина громче, чем собиралась. — Маркиза переживает за моего мужа. Почти как жена.

Эстель улыбнулась — не обиделась, нет. Напротив, будто

получила повод.

— Я переживаю за Империю, леди Варх, — ответила она тихо, но так, чтобы слышали ближайшие. — А вы... вы устраиваете сцены. И, судя по печати, — она взглянула на запястье Алины, — вам ещё и нравится играть с тем, что вам не принадлежит.

— Вам виднее, что кому принадлежит, — резко сказала Алина. — Вы, кажется, уже всё распределили.

Рейан наконец отпустил её руку.

— Хватит, — сказал он. Не ей — залу. — Это дело рода. Все разойдутся. Сейчас же.

— Но, милорд, — начал распорядитель, — Магический суд...

— Суд будет уведомлён, — отрезал Рейан. — Я сам.

Он шагнул к пергаменту, поднял его и сунул обратно в футляр, будто запирал зверя. Лицо его оставалось спокойным, но в глазах вспыхивало что-то тёмное, опасное.

Алина сжала запястье другой рукой, пытаясь унять жжение. Знак не исчезал. Он пульсировал в такт сердцу.

— Леди Варх, — подошла к ней женщина в сером, одна из дворцовых служанок, но слишком прямая для служанки. — Прошу... вам лучше пройти в гостевое крыло. Для вашей безопасности.

«Для вашей изоляции», — перевела Алина мысленно.

— Для моей безопасности? — она подняла взгляд. — Вы сейчас серьёзно?

— После того, что произошло... — служанка запнулась, глядя на печать. — Некоторые... могут...

— Могут захотеть разорвать меня на части, — закончила за неё Алина. — Я уже заметила.

Служанка побледнела.

Рейан повернулся к ней.

— Сопроводите, — приказал он, и это было сказано тем же тоном, каким командуют войсками.

— Милорд, — Эстель снова коснулась его рукава. — Вам тоже стоит...

— Не сейчас, маркиза, — обрубил он, и в этом «не сейчас» прозвучало раздражение, которое он явно не хотел показывать.

Эстель замерла на секунду — лишь на секунду — и тут же снова улыбнулась. Но теперь улыбка стала холоднее.

Алина заметила это. И запомнила.

Её вывели из зала через боковую дверь, по коридору, где стены были украшены гобеленами с крылатыми зверями и сценами охоты. В коридоре было прохладнее, и боль в запястье стала острее — будто знак реагировал на воздух, на расстояние, на чужие взгляды за дверью.

Служанка шла рядом, не глядя на Алину.

— Как вас зовут? — спросила Алина.

— Это неважно, леди.

— Неважно? — Алина усмехнулась, хотя губы дрогнули.

— Знаете, в моём мире люди, которые считают себя «неваж-

ными», обычно либо очень опасны, либо очень несчастны.

Служанка посмотрела на неё впервые — и во взгляде мелькнуло что-то живое. Но она быстро снова опустила глаза.

— Вам лучше молчать, леди. Здесь... слова стоят дороже крови.

— Тогда вы должны понимать, что мой муж сегодня расплатился слишком щедро, — сказала Алина.

Служанка не ответила. Но её пальцы на секунду сжались на подоле собственного платья, и Алина поняла: всё, что произошло, уже разнеслось по дворцу быстрее ветра.

Гостевое крыло оказалось тихим. Слишком тихим. Слуги двигались бесшумно, словно боялись нарушить невидимый приказ. Алину провели в комнату с высоким потолком, камином и окнами в сад. Внутри пахло лавандой и холодным камнем.

— Вам принесут лекаря, — сказала служанка.

— Мне принесут тюрьму, — поправила Алина.

Дверь закрылась.

Щёлкнул замок.

Алина осталась одна — и тут же поняла, что одиночество здесь опаснее толпы.

Она подошла к зеркалу. В отражении была не она.

Женщина с бледной кожей, тёмными волосами, собранными в сложную причёску, с глазами, в которых ещё стояли слёзы — но теперь в этих глазах было что-то новое. Жёст-

кость. Злость. Чужая уверенность.

И на запястье — крыло.

— Прекрасно, — прошептала Алина. — Просто замечательно.

Она коснулась знака кончиками пальцев и вздрогнула: под кожей будто прокатился жар.

В дверь постучали — едва слышно.

— Если это лекарь, — сказала Алина громко, — пусть знает, что я не собираюсь пить ничего, что не нюхала сама.

Дверь приоткрылась, и в комнату вошла девушка с подносом. На ней тоже было серое платье, волосы скрыты под платком. Лицо — обычное, неприметное. Но когда дверь закрылась, девушка быстро подняла голову и сказала совсем другим голосом:

— Если ты сейчас скажешь ещё хоть одно слово при служанках, тебя действительно отравят.

Алина застыла.

— Кто вы?

— Мира, — ответила девушка и стянула платок, распуская густые каштановые волосы. — И да, я знаю, что ты не Мелания Варх.

Имя ударило по Алине, как игла. Мелания. Значит, прежнюю хозяйку тела звали так.

— Откуда вы знаете? — спросила Алина тихо.

Мира закатила глаза.

— Потому что Мелания не смотрела на людей так, будто

собирается пересчитать их слабости и выставить счёт. Она была... — Мира на секунду запнулась. — Она была другой. И, честно, я рада, что сейчас здесь ты.

— Мы знакомы? — Алина сделала шаг ближе.

— В этом теле — да. В твоей голове — пока нет. — Мира поставила поднос на стол. На нём лежали пузырьёк с густой тёмной жидкостью и маленькая баночка с мазью. — Дай руку.

— Сначала объясни, почему ты здесь, — жёстко сказала Алина. — И почему ты говоришь так, будто знаешь больше, чем должна.

Мира вздохнула.

— Потому что у тебя на запястье печать рода Вархов. И если её увидят не те люди — тебе отрежут руку. Не шучу.

— Отрежут? — Алина невольно прижала запястье к груди.

— В прямом смысле. Печать — это привязка к роду. Это право. Это доступ. Это... угроза. — Мира наклонилась ближе, и её глаза стали серьёзными. — Её нельзя подделать. Никакими чарами. Никакими артефактами. Она появляется только в одном случае: когда договор крови признаёт, что супругу действительно не защитили.

Алина медленно выдохнула.

— Значит, магия сама вынесла вердикт.

— Да. И этим ты сделала себе врагов на уровне Совета, — сухо сказала Мира. — Ты слышала про Совет Двенадцати

Крыльев?

— Пока нет, — ответила Алина.

— Тогда ты услышишь очень скоро. — Мира протянула руку. — Дай запястье. Я сниму боль и... немного приглушу свечение. Чтобы не привлекать ещё больше внимания.

Алина колебалась. Но жжение усиливалось, а Мира говорила слишком уверенно, как человек, который действительно знает, что делает.

Она протянула руку.

Мира открыла баночку. Мазь пахла полынью и мёдом одновременно. Она приложила её к печати.

Боль утихла резко, как будто кто-то выключил огонь.

— Ох, — выдохнула Алина и невольно закрыла глаза.

— Не расслабляйся, — сказала Мира. — Это не лечит. Это временно.

— Ты ведьма? — спросила Алина, открывая глаза.

— Артефактор. И да, ведьма тоже, если кому-то так проще меня ненавидеть. — Мира хмыкнула. — Скажем так: я умею делать вещи, которые раздражают правильных людей.

— Тогда мы найдём общий язык.

Мира усмехнулась.

— Я на это и рассчитываю.

Алина посмотрела на своё запястье. Знак стал темнее, менее заметным, но никуда не исчез.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь ты должна выжить до суда, — ответила Мира,

как будто это самый простой план на свете. — И не дать им сломать тебя раньше.

— «Им» — это кому? — Алина подняла бровь.

Мира открыла рот, чтобы ответить, но тут в коридоре раздались шаги. Тяжёлые, уверенные.

Мира мгновенно накинула платок на волосы, снова стала «служанкой» и взяла поднос, будто собираясь уйти.

Дверь открылась без стука.

Рейан вошёл.

Он был без церемониального плаща, в тёмной рубашке и жилете, расстёгнутом на горле. Так он выглядел опаснее, потому что не прикрывался символами. Он не смотрел на Миру — вообще будто не замечал её.

Его взгляд остановился на Алине.

На её руке.

Она увидела, как на секунду его зрачки сузились. Он всё понял: печать никуда не делась.

— Выйди, — сказал он, обращаясь к «служанке».

Мира поклонилась и пошла к двери, но прежде чем выйти, бросила на Алину быстрый взгляд. В этом взгляде было одно слово: *осторожно*.

Дверь закрылась.

Алина осталась с Рейаном наедине.

И тишина между ними стала другой — плотной, как грозовое облако.

— Ты довольна? — спросил он.

— Я? — Алина скрестила руки. — А вы?

Рейан сделал шаг ближе.

— Ты не понимаешь, что случилось в зале.

— Я прекрасно понимаю. — Алина подняла запястье. —

Теперь у меня на руке крыло вашего рода. И все видели, что магия признала нарушение. Это значит, что вы либо виновны, либо кто-то подставил вас. И, честно, меня устраивают оба варианта.

Рейан медленно вдохнул. Его терпение было натянутым, как струна.

— Ты решила играть в судью?

— Нет. Я решила играть в живую. Это, знаете ли, интереснее.

Он внезапно взял её руку — уже аккуратнее, но всё равно властно — и повернул запястье так, чтобы видеть знак.

Алина вздрогнула — не от боли, от близости. Его пальцы были тёплые. Слишком тёплые. И при этом в прикосновении чувствовалась сила, которую не объяснить словами.

— Это печать доступа, — сказал он. — Её наличие даёт тебе право требовать защиты рода.

— Как мило, — холодно сказала Алина. — Тот самый род, который меня только что публично уничтожил?

— Я не «уничтожил» тебя, — произнёс он низко. — Я пытался закончить всё... по возможности мягко.

— Мягко? — Алина рассмеялась, и смех вышел резким. — Вы объявили развод на балу, где половина двора только

и ждала, чтобы меня растоптать. Вы стояли и слушали, как меня называют «пустышкой». Это называется мягко?

Рейан на мгновение отвёл взгляд. И это было единственное, что выдало его — не чувство вины даже, а раздражение на самого себя.

— Ты не понимаешь причин.

— Так объясните.

— Не могу.

— Не хотите, — поправила Алина.

Рейан резко поднял голову.

— Я сказал: не могу.

В его голосе прозвучало что-то опасное. Как если бы за этим «не могу» стоял не каприз, а цепь.

Алина смотрела на него, и в ней снова поднималась злость — но теперь эта злость перемешивалась с любопытством. Он не был просто холодным мерзавцем. Он был человеком, который что-то скрывает, и скрывает так, что это рвёт его изнутри.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Тогда я буду искать причины сама.

— Ты погибнешь, — спокойно ответил Рейан. — И никто даже не скажет, что это было преступление. Скажут: печать взбесилась. Или жена сошла с ума.

— Тогда, возможно, вам стоит наконец выполнить вашу часть договора, — произнесла Алина. — Защитить супругу. Он усмехнулся — снова без улыбки.

— Ты умеешь бить точно.

— Профессия.

— Какая?

Алина на секунду замолчала.

— Та, где бумага иногда опаснее меча, — сказала она.

Рейан смотрел на неё, будто пытался сложить из этой фразы пазл. Потом резко отпустил её руку.

— Суд будет завтра, — сказал он. — Но до этого ты не выйдешь из крыла.

— Вы меня запираете.

— Я тебя защищаю.

— От кого? — Алина сделала шаг ближе. — От ваших друзей? От вашей... маркизы?

Рейан ничего не ответил, и это молчание было красноречивее любых слов.

— Она трогала вас в зале, — сказала Алина тихо. — Прямо при всех. Вы позволили.

Рейан резко поднял голову.

— Это тебя волнует?

Алина почувствовала, как тепло поднимается к щекам — от злости, от стыда, от того, что он попал в точку.

— Меня волнует, что вы устраиваете спектакль, — жёстко ответила она. — И что в этом спектакле мне отведена роль дурочки, которую можно выбросить и заменить.

— Ты ошибаешься, — сказал Рейан и вдруг сделал ещё шаг ближе. Теперь между ними было настолько мало про-

странства, что Алина ощущала его дыхание на губах.

Её сердце стукнуло сильнее — чужое, но реагировало оно на него.

— Тогда докажите, — выдохнула она.

Рейан замер. В его взгляде промелькнуло что-то... голодное? Или это просто показалось от напряжения.

Он не прикоснулся. Но воздух вокруг стал густым, как перед ударом молнии.

— Завтра, — сказал он глухо. — Я докажу. По-своему.

И вышел, закрыв дверь так же тихо, как вошёл.

Алина осталась одна и поняла, что ладони у неё дрожат.

Она медленно выдохнула и заставила себя думать.

Печать — реальна.

Завтра — суд.

Сегодня — ночь.

А ночь, судя по предупреждению Миры, она должна пережить.

Через час к ней прислали ужин. Алина не притронулась к еде, пока не разрезала каждый кусок и не понюхала воду. Она вспомнила свои правила из прошлого мира — те, что помогали выживать в людских войнах, где ядом был не порошок, а слово. Здесь, похоже, будет и то, и другое.

К вечеру в коридоре стало больше охраны. Два стражника у двери, ещё один — на повороте. Это выглядело как забота, если смотреть издали. Вблизи это выглядело как клетка.

Алина подошла к окну. Внизу темнел сад, где фонари

освещали дорожки. Дальше виднелась часть дворца — башня, уходящая в небо, как игла.

Она не знала, почему взгляд прилип к ней. Но тело — это тело — вдруг отозвалось холодком, словно увидело призрак.

В дверь снова постучали. Три тихих удара.

Алина напряглась.

— Кто?

— Свои, — ответил знакомый голос.

Мира вошла без подноса, уже не скрываясь. На ней теперь было короткое тёмное платье, удобное, и на поясе — сумка с инструментами.

— Ты выглядишь так, будто хочешь бежать, — сказала она.

— Я хочу дышать, — ответила Алина. — Это, оказывается, роскошь.

Мира подошла к её руке и снова посмотрела на печать.

— Она уже успокоилась, — пробормотала Мира. — Но ночью может проснуться снова. Особенно если рядом будет он.

— Отлично, — сухо сказала Алина. — Значит, мне надо держать дистанцию от собственного мужа.

Мира фыркнула.

— Попробуй. — Потом посерьёзнела. — Слушай. У тебя будет два вида врагов. Те, кто ненавидит тебя за печать, потому что она даёт тебе права. И те, кто ненавидит тебя за то, что ты вообще жива.

Алина напряглась.

— Ты говоришь так, будто...

— Потому что так и есть. — Мира приблизилась и понизила голос. — В дворце уже шепчутся. Про прежнюю... хозяйку этого тела.

Алина почувствовала, как в груди что-то холодно щёлкнуло.

— Мелания?

— Да. — Мира бросила взгляд на окна, будто проверяла, не подслушивают ли стены. — Говорят, она сорвалась с башни. С той самой.

Она кивнула в сторону иглы, торчащей в темноте.

— Сорвалась? — повторила Алина.

— Официально — несчастный случай. Неофициально... — Мира криво улыбнулась. — Неофициально говорят всё, что угодно. Что она сама. Что её толкнули. Что она хотела сбежать. Что она знала слишком много.

Алина медленно повернулась обратно к окну.

— Когда это было?

— Год назад. — Мира пожала плечами. — И с тех пор Рейан стал... ещё хуже. Холоднее. Жёстче. Он не любит, когда вспоминают ту ночь.

— Значит, у него уже была жена, которая «сорвалась», — тихо сказала Алина. — И теперь снова жена, которая мешает планам. Это выглядит... слишком удобно.

Мира посмотрела на неё внимательно.

— Ты думаешь так же, как думала я.

— Тогда почему ты не сказала ему? — спросила Алина резко. — Почему ты не сказала судье? Почему ты...

— Потому что я хочу жить, — жёстко ответила Мира. — А ещё потому, что Рейан — не весь дворец. Здесь есть те, кто сильнее даже его. И если ты начнёшь копать без защиты — тебя закопают первой.

Алина сжала кулак.

— Значит, я действительно в клетке.

— Пока да. — Мира достала из сумки маленький круглый амулет и положила на стол. — Вот. Это глушилка. Не магию — слова. Она не даст комнате «запомнить» твои разговоры. Потому что здесь стены слушают.

Алина подняла амулет, ощутила холод металла.

— Спасибо.

— Не благодари, — сказала Мира. — Лучше запомни: сегодня ночью тебя могут проверить. Не обязательно убить. Иногда им достаточно испугать, чтобы ты сама отступила.

— Я не отступаю, — сказала Алина.

Мира усмехнулась.

— Вот за это я тебя и люблю. — И тут же добавила быстро: — В смысле... как союзницу. Не смотри так.

— Я и не смотрю, — сухо сказала Алина, хотя губы дрогнули.

Мира подошла к двери.

— Я не могу остаться. Если заметят — всё. Но я приду

снова. Если ты будешь жива.

— Оптимистично, — буркнула Алина.

— Реалистично, — поправила Мира и исчезла, будто растворилась в коридоре.

Алина осталась одна.

Ночь опустилась на дворец не мягко, а тяжело. Фонари в саду гасли по одному, как глаза. В камине тлели угли, отбрасывая красные тени на стены. В коридоре охрана ходила по расписанию — шаги повторялись, как часы.

Алина легла, но сон не шёл. Она лежала, глядя в потолок, и слушала собственное дыхание, пытаюсь понять, где здесь скрытая дверь, где слабое место, где путь к свободе.

В какой-то момент она всё же задремала — и проснулась от ощущения, что кто-то смотрит.

Тишина была неправильной. Слишком ровной.

Шагов в коридоре не было.

Алина поднялась, бесшумно ступая по ковру, и подошла к двери. Приложила ухо.

Ничего.

Она повернулась к окну — и в тот же миг за спиной раздался тихий щелчок.

Не замка.

Другое.

Алина резко обернулась.

В тени у камина стоял человек в тёмной одежде. Лицо закрыто маской, руки в тонких перчатках. В руках — короткий

нож. Не магический, не сияющий рунами. Обычный. Стальной.

— Наконец-то, — сказала Алина тихо, и собственный голос удивил её спокойствием.

Нападавший не ответил. Он двигался быстро и беззвучно — профессионально, как человек, который убивал не раз.

Алина метнулась к столу, схватила тяжелый подсвечник и развернулась, выставив его как оружие.

— Крикнешь — умрёшь быстрее, — глухо произнёс нападавший. Голос был изменён, но всё равно мужской.

— Я и так не планировала кричать, — ответила Алина.

Он бросился.

Алина ударила подсвечником по руке с ножом. Металл звякнул о металл. Нож не выпал, но удар сбил траекторию, и лезвие прошло по воздуху рядом с её ребром.

Она отступила, врезалась бедром в стол, почувствовала резкую боль — и снова ударила, уже целясь в голову.

Нападавший уклонился, схватил её за запястье — и в этот момент печать под кожей Алины вспыхнула жаром.

Нападавший дернулся, будто обжёгся, но не отпустил. Значит, перчатки. Значит, он знал.

— Ты не маг, — прошипела Алина, пытаясь вырваться. — Поэтому пришёл ночью. Поэтому без чар.

— Магия шумит, — коротко ответил он и рванул её на себя.

Алина ударила коленом. Попала. Нападавший выдохнул

сквозь зубы, но сразу же перехватил её за плечо и швырнул к стене.

Она ударилась спиной, воздух выбило из лёгких. Нож оказался у горла — холодный, реальный.

— Всё, — прошептал нападавший. — Конец спектакля.

Алина смотрела на лезвие и понимала, что это не тот момент, когда можно быть гордой. Это момент, когда надо быть живой.

— У тебя рука дрожит, — сказала она неожиданно спокойно. — Ты не убийца?

Он замер на долю секунды.

Этого хватило.

Алина резко ударила ладонью по его запястью, смещая нож, и одновременно вцепилась зубами в край перчатки другой рукой — просто схватила и рванула, как зверь.

Нападавший выругался, лезвие царапнуло кожу на шее, оставив тонкую полоску боли. Но нож ушёл в сторону.

Алина вывернулась, схватила табурет и швырнула в него. Табурет ударил в грудь, сбив дыхание. Нападавший отшатнулся, а Алина бросилась к двери и ударила в неё всем телом.

— Охрана! — крикнула она, и голос сорвался в ярость. — ОХРАНА!

За дверью кто-то зашевелился, раздался крик.

Нападавший бросился к окну — но не прыгнул. Он резко развернулся, как будто вспомнил что-то, и метнул на пол маленький предмет.

Блестящая игла? Или... нет.

Клочок бумаги.

Он исчез в тени так же быстро, как появился, оставив за собой запах холодного железа.

Дверь распахнулась, в комнату ворвались стражники с мечами и факелами.

— Леди! — один из них подбежал. — Вы целы?

Алина стояла, прижимая ладонь к шее. Крови было немного, но сердце билось так, будто хотело вырваться из груди.

— В комнате был человек, — сказала она хрипло. — Он ушёл. Не маг. Профессионал. И он знал про печать.

Стражники оглядывались, проверяли углы, заглядывали за шторы.

— Мы ничего не нашли, — пробормотал один.

Алина посмотрела на пол.

Там лежал клочок бумаги.

Она подняла его двумя пальцами, как улику, и развернула.

На бумаге были чужие, странные буквы — не руны, не местный шрифт. Латиница. Печатные, ровные, будто написанные человеком из её мира.

И одна короткая фраза, от которой у Алины внутри всё похолодело, потому что она понимала её смысл слишком хорошо:

Глава 3. «Магический суд открывает дело»

Кровь на шее успела подсохнуть и стянуть кожу тонкой, противной коркой, но дрожь в пальцах не проходила. Алина держала клочок бумаги так, словно он мог обжечь.

Латинские буквы. Ровные. Печатные.

Те, что не существовали в этом мире.

I DIDN'T FALL. RUN.

«Я не упала. Беги».

Алина перечитала дважды — и только на третьем разе воздух вошёл в лёгкие. Не потому, что она не понимала. Наоборот. Она понимала слишком хорошо.

— Леди... — осторожно произнёс стражник, тот самый, что влетел первым. — Это... письмо?

— Это предупреждение, — хрипло сказала Алина и, не давая себе времени на сомнения, сложила бумагу вчетверо и спрятала в лиф платья, туда, где её не обыщут без скандала. — И доказательство, что меня пытались убить.

Стражник сглотнул, глядя на кровавую царапину у неё под челюстью.

— Мы усилим караул.

— Вы его вернёте, — поправила она. — Потому что караула не было.

Он открыл рот — и тут же закрыл. На такой ответ не было безопасных слов.

В коридоре послышались новые шаги. Не тяжёлые и размеренные, как у охраны. Быстрые, злые.

Рейан вошёл так, будто дверь была не дверью, а препятствием, которое он терпит исключительно из вежливости. На миг его взгляд зацепился за кровь на шее Алины — и в тёмных зрачках мелькнула такая ярость, что у ближайшего стражника непроизвольно дрогнули плечи.

— Вон, — сказал Рейан.

— Милорд, мы должны...

— ВОН, — повторил он, и воздух в комнате стал плотнее, будто перед грозой.

Стражники вышли. Дверь закрылась.

Алина ощутила, как от тишины звенит в ушах.

— Ты жива, — произнёс Рейан. Не вопрос. Констатация, будто он проверял, не сломалась ли вещь.

— Не благодаря вашей защите, — отрезала Алина.

Его взгляд опустил на её запястье, на приглушённую магию печать. Потом снова поднялся к её лицу.

— Кто был?

— Человек. Без магии. В маске. С ножом. — Она чуть приподняла подбородок, показывая царапину. — Почти успел.

Рейан шагнул ближе. Так близко, что Алина почувствовала его тепло — и услышала, как он сдерживает дыхание. Его

пальцы поднялись, будто он хотел коснуться раны, но остановились в воздухе.

— Почему без магии? — спросил он глухо.

— Потому что магию легко отследить, — сказала Алина.
— А значит, они не хотели, чтобы след вёл к ним. Либо они были уверены, что след всё равно не найдут.

Лицо Рейана стало каменным.

— «Они», — повторил он. — Ты уже решила, что это заговор.

— Меня пытались зарезать ночью в запертом крыле, — сказала Алина. — Это не заговор, это сервис.

Его челюсть напряглась. На мгновение показалось, что под кожей у него что-то шевельнулось — словно тонкая линия чешуи решила проявиться от злости.

— Ты должна была позвать охрану сразу.

— Я позвала, — холодно сказала она. — И пришли они только тогда, когда убийца уже ушёл.

Рейан резко отвернулся, сделал шаг к камину, будто ему нужно было куда-то деть руки. Алина заметила, как его пальцы сжались в кулак, и на тёмном металле перстня проступили тонкие трещины.

— Кто поставил караул? — спросил он, не оборачиваясь.

— Вы, — ответила Алина. — Или ваши люди. Вы же у нас всё контролируете.

Он выдохнул — коротко, резко, будто сдерживал рычание.

— Утром ты пойдёшь в суд, — сказал Рейан. — Со мной.

— О, как мило. Конвой лично от мужа.

— Не язви, — бросил он и наконец обернулся. — Ты не понимаешь, что будет, если Совет решит, что ты... опасна.

— Уже решил, — сказала Алина. — По лицу вашей маркизы было видно.

Тень пробежала по его взгляду.

— Не произноси её так, будто она твоя соперница.

— А как мне её произносить? — Алина шагнула ближе, не уступая. — Как будущую жену? Или как ту, ради которой меня сегодня пытались убрать?

Он резко поднял руку — не ударить, нет. Остановить. Но его ладонь зависла у её плеча, слишком близко. В этом жесте было больше напряжения, чем в любых словах.

— Ты думаешь, я позволил бы... — он оборвал фразу, будто сам понял, насколько она опасна.

— Позволили бы что? — тихо спросила Алина. — Чтобы меня убили? Или чтобы меня унизили?

На мгновение между ними повисло то самое — невыносимое. Вина и ярость, притяжение и отвращение, желание сжать и желание оттолкнуть.

— Ты должна выжить до заседания, — наконец сказал Рейан, и голос его стал ровным. Слишком ровным. — Это сейчас важнее всего.

— Я уже поняла, что меня хотят убрать до заседания, — ответила Алина. — Вопрос в другом: кто именно хочет.

Рейан посмотрел на неё долго.

— Ты задаёшь вопросы, которые могут стоять тебе головы.

— Я и так рискую головой, — сказала Алина и коснулась кончиками пальцев полосы на шее. — Лучше уж за смысл.

Он не ответил. Только взгляд задержался на её губах — на секунду, но этого хватило, чтобы у Алины снова вспыхнуло запястье, будто печать реагировала на его близость.

Рейан тоже почувствовал — по тому, как он едва заметно напрягся.

— Утром, — повторил он. — И не пытайся сбежать.

— А вы не пытайтесь запереть меня глубже, — парировала она.

Он развернулся и вышел, оставив после себя запах грозы и металла.

Утро было серым. Дворец проснулся не шумом, а шёпотом. Алина это чувствовала: шептали стены, шептали слуги, шептали взгляды. Она шла по коридору с высокими окнами, а за стеклом висел туман, будто мир не хотел показывать себя целиком.

Мира ждала её в нише у гобелена — в простом платье, без платка, но с таким выражением лица, будто ей всё равно, кто увидит.

— Ты жива, — сказала она вместо приветствия.

— Пытаюсь, — ответила Алина. — Мне оставили записку.

Мира моментально стала серьёзной.

— Покажи.

— Позже, — сказала Алина. — Не здесь.

Мира кивнула, будто и не ожидала другого.

— Тогда слушай. В суде они будут делать вид, что тебя не существует. Что печать — ошибка. Что вчерашнее — истерика.

— Пусть попробуют, — сказала Алина.

— И ещё, — Мира приблизилась, понизив голос. — Если свидетеля вызовут, его могут... заткнуть.

Алина посмотрела на неё резко.

— Ты знаешь конкретно?

Мира отвела взгляд.

— Я знаю, как здесь решают проблемы. А ты — проблема. Не только для Эстель. Для многих.

— Тогда нам нужен свой рычаг, — сказала Алина. — И он у меня есть. Пункт тринадцать.

Мира усмехнулась.

— Да. Только помни: закон — это тоже магия. И за него бьют так же, как за кровь.

В конце коридора появился Рейан. В тёмном плаще, с гербом на застёжке — серебряное крыло на чёрном поле. Лицо спокойное, но взгляд... взгляд был слишком пристальный. Словно он проверял, не исчезла ли она по дороге.

— Леди Варх, — произнёс он официально, и от этой сухости Алине захотелось рассмеяться ему в лицо.

— Милорд, — так же официально ответила она.

Мира сделала шаг назад и растворилась среди слуг, как тень.

Рейан протянул руку.

— Держись рядом.

— Чтобы вам было удобнее контролировать? — прошептала Алина.

— Чтобы тебя не разорвали на ступенях суда, — так же тихо ответил он, и в этом не было насмешки.

Алина не взяла его руку. Но пошла рядом.

Магический суд располагался не в дворце, а в отдельном здании, похожем на храм. Высокие колонны, чёрный камень, руны, врезанные в ступени. Здесь воздух пах иначе: не духами и вином, а холодной пылью и железом, как в архиве... или в морге.

Внутри было светло, но свет не согревал. Он падал из круглого отверстия под куполом, превращая зал в огромную чашу.

На возвышении сидел судья.

Архимаг Кольр.

Его волосы были серебряными не от старости — от силы. Глаза — светлые, почти прозрачные. И смотрел он так, будто видел не лица, а то, что под ними.

Алина почувствовала, как её спина сама выпрямилась.

— Лорд Рейан Варх, — произнёс Кольр, и голос его был спокойным, как вода, которая может утопить. — И леди...

Варх.

Последнее слово прозвучало чуть иначе, словно он про-
бовал его на вкус.

В зале зашевелились. Слева, на местах для знати, сидели
представители Совета. Среди них — Эстель, идеально спо-
койная, в тёмно-красном, как засохшая кровь. Она не улыба-
лась. Она смотрела на Алину, как на ошибку, которую нуж-
но исправить.

— Суд созван по запросу леди Варх о пересмотре растор-
жения брачного договора крови, — продолжил Кольр. — Ос-
нование — Пункт тринадцать, активированный магическим
резонансом. — Он поднял взгляд. — Леди Варх, вы утвер-
ждаете, что было нарушено условие защиты супруги.

— Да, — сказала Алина.

— Докажите, — произнёс Кольр так, будто просил назвать
цвет неба.

Рейан сделал полшага вперёд.

— Магия договора...

— Я не спрашивал магию, лорд Варх, — перебил его
Кольр мягко. — Магия уже заговорила. Я спрашиваю факты.

В зале кто-то тихо хмыкнул. Алина почувствовала, как
Рейан напрягся. Впервые за всё время он выглядел не непри-
касаемым, а... раздражённым.

— Вчера, — сказала Алина, — мой супруг инициировал
расторжение договора публично. В тот же момент договор
подтвердил нарушение условий защиты. Ночью на меня со-

вершили нападение. Без магии. С ножом. В гостевом крыле, куда меня заперли «для безопасности».

— Ночь после публичного конфликта не является доказательством вины супруга, — раздался голос со стороны знати. Один из советников, мужчина с тяжёлой цепью на шее, поднялся. — Леди могла сама инсценировать...

— Инсценировать царапину на шее? — Алина повернулась к нему. — И что дальше? Заколоть себя до смерти, чтобы убедить вас?

По залу прошёл гул. Кольр поднял руку — и шум мгновенно стих.

— Леди Варх, — произнёс он, — вы говорите о нападении. Кто охранял вас?

Алина посмотрела на Рейана.

— Люди моего мужа, — сказала она. — Потому что меня заперли его приказом.

— Это было ради её безопасности, — ровно сказал Рейан.

— Ради моей изоляции, — ответила Алина и почувствовала, как печать на запястье чуть теплеет, словно поддерживая её.

Кольр наклонил голову.

— Лорд Варх, вы признаёте, что ограничили свободу супруга после активации пункта?

— Да, — сказал Рейан, и в зале кто-то довольно выдохнул, будто поймал его на слове. — И сделал это, чтобы не допустить провокаций.

— Провокаций кого? — спросил Кольр.

Рейан замолчал. На секунду.

Этого хватило, чтобы Алина увидела: он не может назвать имена. Не сейчас. Не в суде.

— Значит, вы знали о возможной угрозе, — спокойно сказал Кольр. — И всё же угрозу не предотвратили.

Рейан резко поднял взгляд.

— Мои люди не...

— Ваши люди либо не справились, либо не пытались, — холодно произнесла Алина. — И это ключевой момент, судья. Пункт тринадцать не требует, чтобы супруг лично держал меч у моей двери. Он требует, чтобы защита была обеспечена его домом. Его решениями. Его приказами.

Кольр посмотрел на неё с интересом.

— Продолжайте.

Алина вдохнула. Она чувствовала сотни глаз — ненавидящих, любопытных, оценивающих. Чувствовала взгляд Эстель — неподвижный, как лезвие. Чувствовала Рейана рядом — напряжённый, опасный.

И всё же говорила.

— В договоре есть формулировка, — сказала Алина. — «Условия защиты супруги считаются нарушенными, если супруг или его дом своими действиями или бездействием допускают угрозу жизни супруги». — Она выдержала паузу. — Меня заперли. Караул исчез. Нападавший вошёл так, будто знал расписание. Это не случайность.

— Вы читали договор? — тихо спросил один из советников, почти насмешливо. — Леди без искры...

Алина повернула голову.

— Искра не нужна, чтобы читать, — сказала она. — Достаточно глаз и мозга. Но если у вас с этим проблемы, могу прочесть вслух.

Кто-то хохотнул. Кто-то наоборот — зашипел.

Рейан резко шагнул вперёд.

— Довольно, — сказал он, и в его голосе впервые прорвалось настоящее. Не холод, не приказ — ярость. — Вы позволили себе слишком много.

Кольр поднял бровь.

— Лорд Варх, — произнёс он мягко, — я позволю себе ещё больше, если вы продолжите вмешиваться. Сядьте.

Рейан замер. На секунду в нём вскипело что-то драконье — Алина это видела по тому, как напряглись плечи, как по линии шеи проступил едва заметный блеск. Но он подчинился. Медленно. Тяжело.

И это было... опасно красивым.

Алина заставила себя отвернуться.

— Суд вызовет свидетеля, — сказал Кольр. — Слугу или стражника, отвечавшего за охрану гостевого крыла.

В зале кто-то шепнул: «Сейчас её раздавят».

Через минуту ввели мужчину в серой форме дворцовой службы. Невысокий, с бегающими глазами. Он дрожал так, что звенели пуговицы.

— Имя, — потребовал Кольр.

— Л... Лиор, — выдавил тот. — Лиор Седой.

— Вы отвечали за ночной караул у покоев леди Варх?

Лиор сглотнул. Его взгляд метнулся к ряду знати. На миг задержался — и Алина увидела, как он побледнел ещё сильнее.

— Да, милорд судья... я... я был назначен.

— Кто назначил? — спросил Кольр.

Лиор открыл рот.

И вдруг его лицо исказилось. Как будто кто-то невидимый сжал ему горло изнутри.

— Я... — выдохнул он, и звук был не голосом, а хрипом.

— Я...

Его пальцы судорожно вцепились в собственный воротник. Глаза расширились.

— Проклятие, — прошептал кто-то.

Алина почувствовала, как холод проходит по спине.

Кольр поднялся.

— Держите его, — приказал он, и руны на полу под свидетелем вспыхнули.

Стражи подхватили Лиора под руки. Но тот уже не стоял — его тело выгибалось дугой, будто его ломали изнутри.

— Кто... — попытался сказать Лиор, и на губах выступила пена. — Кто...

В следующий миг он закашлялся так, что в воздух брызнула кровь.

— Нет! — резко сказал Рейан, и это прозвучало так, будто он рванулся вперёд прежде, чем понял, что делает.

Алина посмотрела на него — и увидела на его лице не холод. Не презрение. Настоящий, голый страх. Не за свидетеля даже — за то, что сейчас будет сказано.

Кольр вытянул руку, и вокруг Лиора вспыхнуло кольцо света. Магия судьбы была чистой, почти белой — но проклятие было чёрным, вязким, как нефть.

— Проклятие речи, — произнёс Кольр. — Наложено так, чтобы срабатывало при попытке назвать имя.

Лиор захрипел, и звук был уже не человеческим. Вены на его шее почернели, как будто по ним пустили чернила.

Алина сжала кулаки. Печать на запястье горячо пульсировала.

— Снимите! — выкрикнула она.

— Я пытаюсь, — спокойно сказал Кольр, но в его голосе впервые появилась сталь.

Он сделал резкое движение — словно рвал нить. Чёрная магия дрогнула... и в этот момент из горла Лиора вырвался последний, булькающий вдох.

Тело обмякло.

В зале стояла мёртвая тишина.

Кольр медленно опустил руку.

— Его убили прямо в суде, — сказал он негромко. — В моём круге.

Его взгляд скользнул по рядам знати, по Советникам, по

лицу Эстель — идеально неподвижному, по лицу Рейана — напряжённому, слишком живому.

— Это подтверждает наличие заинтересованной стороны, — продолжил Кольр. — И подтверждает, что леди Варх права: угрозу пытались скрыть.

Алина проглотила ком. Внутри поднималась ярость — не истеричная, не беспомощная. Холодная, взрослая.

— Это ваши люди? — прошептала она, не глядя на Рейана.

— Нет, — ответил он так же тихо. И в этом «нет» не было игры.

Кольр поднял ладонь над телом свидетеля. Воздух над трупом дрогнул, как над горячим камнем. И вдруг от груди Лиора потянулась тонкая, почти невидимая нить — чёрная, как волос, но живущая.

— След, — произнёс Кольр.

Нить дрожала, тянулась в сторону... словно искала хозяйина.

Кольр повёл рукой, и нить подчинилась, вытянулась длиннее, пересекла зал.

Алина следила за ней, не моргая.

Нить тянулась к рядам знати... миновала один герб, второй... и вдруг резко дёрнулась, будто нашла.

И потянулась — прямо к серебряному крылу на застёжке плаща Рейана Варха.

Рейан резко поднял голову.

В зале раздался шум — сначала вдох, потом всплеск голосов.

— Варх...

— Это... к нему?

— Нить на герб!

Алина почувствовала, как у неё в груди что-то проваливается — не от веры, от ужаса. Потому что нить могла вести не к нему лично... но к его дому. К его людям. К его крови.

Рейан сделал шаг вперёд — медленно, будто удерживал в себе зверя.

— Это не я, — произнёс он громко.

Кольр смотрел на него, не отводя глаз.

— Я не обвиняю, лорд Варх, — сказал он спокойно. — Я фиксирую направление. И оно ведёт к вашему дому.

Алина перевела взгляд на Эстель.

Маркиза наконец улыбнулась — едва заметно. Как человек, который получил именно то, чего хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.